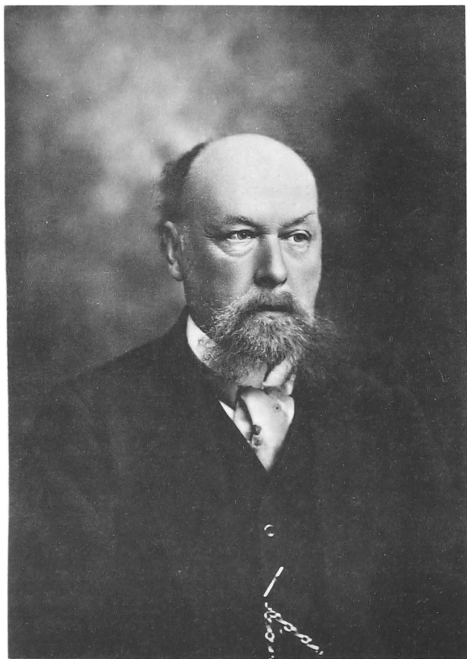

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St. - Pétersbourg.

Tome XVI.
(1913 - 1914).

Petrograd.

Portrait of H. W. Harrison, Cal.

Всеволодъ Ѳеодоровичъ Миллеръ.

Некрологъ.

(Читанъ въ засѣданіи Общаго Собранія 7 декабря 1913 г. академикомъ А. А. Шахматовымъ).

Трудная задача выпадеть на долю того, кто пожелалъ бы дать оцѣнку всей научной дѣятельности покойнаго академика Всеволода Ѳеодоровича Миллера: ему пришлось бы сосредоточить вниманіе на разнообразныхъ отрасляхъ знанія и, обобщая труды Миллера, оказаться судьей его работъ какъ въ области исторіи русской словесности и германскаго языкознанія, такъ и въ области этнографіи и археологіи Россіи вообще и Кавказа въ особенности. Провожая дорогого и высокоуважаемаго товарища въ могилу, мы, члены Отдѣленія русскаго языка и словесности, сознаемъ, что В. Ѳ. Миллеръ, какъ ученый, принадлежалъ не одной нашей тѣсной семьѣ, но гораздо болѣе широкому кругу представителей научныхъ знаній. И тѣмъ не менѣе мы убѣждены въ томъ, что въ центрѣ его интересовъ стояла русская историческая наука въ обширномъ смыслѣ. Это объясняетъ привлеченіе В. Ѳ. Миллера въ составъ нашего Отдѣленія и оправдываетъ нашу рѣшимость дать краткій обзоръ всей его научной дѣятельности.

В. Ѳ. Миллеръ началъ ее съ работы надъ русской сказкой о ворожѣхъ. Эта работа была представлена имъ въ 1870 году Ѳ. И. Буслаеву въ качествѣ кандидатскаго сочиненія, по окончаніи курса Московскаго университета. Сюжетъ русской сказки, взятый въ трехъ вариантахъ, сопоставленъ авторомъ съ сюжетомъ санскритской сказки въ сборникѣ Kathāsaritsāga; текстъ послѣдней передается въ стихотворномъ переводѣ. Близость русской и санскритской сказки весьма значительна; вѣрность въ сохраненіи русскими восточныхъ сказокъ оправдывается, по мнѣнію В. Ѳ. Миллера, исторически. «Русскіе славяне получали сказки болѣе непосредственно съ Востока, нежели прочіе европейскіе народы. Бенфей главную роль въ перенесеніи восточныхъ сказокъ въ Европу приписываетъ монголамъ». Эти

соображенія даютъ основаніе автору привлечь къ сравненію съ русской сказкой калмыцкую изъ сборника Шидди-Курь. Затѣмъ онъ ищетъ ея родичей на западѣ и обнаруживаетъ ихъ въ литовской, нѣмецкой и французской народной словесности, останавливаясь также на латинской версіи сказки въ сборникѣ Бабеліуса 1506 года. Взаимоотношеніе всѣхъ этихъ сказокъ разобрано мастерски, но авторъ не скрываетъ отъ себя, что прочныхъ выводовъ ему нельзя дѣлать по скудости находящагося въ его распоряженіи матеріала. Ему рисуется возможность начертить полную картину перехода индусскихъ сказокъ въ Европу, но этому должны предшествовать подготовительныя работы, а именно изданіе и изученіе всѣхъ санскритскихъ сборниковъ сказокъ.

Второй по времени трудъ В. О. Миллера, появившійся въ 3-мъ выпускѣ Бесѣдъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности (М. 1871), представлялъ не меньшій интересъ, чѣмъ первый, по самой своей темѣ. Это—полемиическая статья противъ В. В. Стасова, автора незадолго передъ тѣмъ вышедшаго труда «Происхожденіе русскихъ былинъ». Она открывается разъясненіемъ требованій, предъявляемыхъ къ сравнительному методу въ лингвистикѣ. Указавъ, что тѣ же требованія обязательны вообще при всякихъ сравненіяхъ, В. О. Миллеръ на разборѣ былины о Садкѣ, сопоставленной В. В. Стасовымъ съ нѣкоторыми индусскими сказками и легендами, доказываетъ неосновательность сравненій В. В. Стасова, ихъ механичность и случайность. Онъ ставитъ въ упрекъ В. В. Стасову его зависимость отъ восточнаго матеріала («исходнымъ пунктомъ служить восточныя сказки: къ нимъ приравняются русскія быliny»), далѣе неточность его въ передачѣ какъ русскихъ былинъ, такъ и восточныхъ сказокъ, затѣмъ стремленіе В. В. Стасова видѣть полное тождество былинъ съ восточными сказками и въ цѣломъ и въ подробностяхъ,—желаніе лишить русскія быliny всего русскаго, національнаго. Со своей стороны, В. О. Миллеръ въ личности Садка различаетъ двѣ личности—личность бѣднаго гусляра и личность богатаго купца, слитыя народною фантазіей въ одну личность. Этотъ первый его анализъ былины о Садкѣ любопытно сопоставить съ послѣдующими обработками, предложенными В. О. Миллеромъ (въ 1879 и 1897 гг.). Рѣзкій отзывъ В. О. Миллера о трудѣ В. В. Стасова и его теоріи (замѣтимъ при этомъ, что это—единственный рѣзкій отзывъ, вышедшій изъ-подъ пера нашего ученаго) интересно противопоставить послѣдующимъ его отзывамъ о В. В. Стасовѣ (напримѣръ, въ «Экскурсахъ», о чемъ скажемъ ниже).

Поставленнымъ себѣ въ обѣихъ юношескихъ работахъ цѣлямъ В. О.

Миллеръ остался вѣренъ до конца своей сорокалѣтней научной дѣятельности. Анализъ произведеній русской народной словесности, ихъ историческое освѣщеніе становятся отправными точками во всѣхъ дальнѣйшихъ его разнообразныхъ трудахъ. Вотъ почему такъ интересны намъ, изслѣдователямъ русской словесности, всѣ его экскурсы въ сторону отъ основной задачи, его занятія древнеиндійской литературой, упорные труды по иранскому эпосу и иранскимъ языкамъ, его увлеченіе Кавказомъ и тщательная разработка скифской и сарматской культуры южной Россіи. В. О. Миллеръ хотеть основательно пройти тотъ путь, который намѣченъ имъ въ его кандидатскомъ сочиненіи, и прослѣдить процессъ прохожденія сказки и другихъ произведеній словесности изъ Индіи въ Россію.

В. О. Миллеръ былъ необыкновенно талантливъ. Это не позволило ему замкнуться въ узкихъ рамкахъ открывшейся передъ нимъ ученой работы. Его отличныя способности облегчали ему возможность проявить широкій размахъ, соответствовавшій его богатымъ дарованіямъ. Намъ поражаютъ при этомъ та послѣдовательность и то упорство, которыя обнаруживаются въ научной дѣятельности В. О. Миллера. Его интересы съ самаго начала глубоко залегли въ области русской народной словесности; объясняется это тѣмъ, что его учителемъ былъ О. И. Буслаевъ. Но В. О. Миллеръ какъ будто еще на студенческой скамьѣ созналъ, что для изслѣдователя манившей его къ себѣ области необходима широкая историко-филологическая подготовка. Въ теченіе двухъ первыхъ десятилѣтій своей дѣятельности онъ не рѣшается выступать со специальными работами въ области русской народной словесности и только въ началѣ девяностыхъ годовъ отдается этой наукѣ вполнѣ, выпуская рядъ обширныхъ изслѣдованій, создавая особую систему, подготавливая учениковъ и послѣдователей. Наблюдая однако подготовительныя работы В. О. Миллера, которыми заняты семидесятые и восьмидесятые годы, мы убѣждаемся въ томъ, что, выполняя ихъ, отдаваясь имъ, онъ никогда не упускалъ основной своей цѣли, созрѣвшей при слушаніи лекцій О. И. Буслаева. Иногда, правда, она отодвигалась въ далекую туманную даль, но зато она неразъ ярко вспыхивала передъ В. О. Миллеромъ, и онъ устремлялся къ ней въ талантливыхъ экскурсахъ въ области русской словесности.

Историко-филологическая подготовка для рѣшенія вопросовъ, захватившихъ В. О. Миллера въ юные его годы, потребовала прежде всего серьезныхъ занятій санскритомъ и зендомъ; имъ онъ отдавался еще въ университетѣ, работая подъ руководствомъ проф. П. Я. Петрова, но углубить ихъ В. О. Миллеръ могъ только въ заграничную свою поѣздку въ

1873 и 1874 году. Результатомъ этихъ занятій явились нѣсколько статей по ведійской мифологіи и индусскимъ сказкамъ, но кромѣ того и магистерская диссертация, напечатанная въ 1876 году подъ заглавіемъ «Очерки арійской мифологіи въ связи съ древнѣйшей культурой». Первымъ выпускомъ этихъ очерковъ по предположенію автора долженъ былъ открыться рядъ работъ, рядъ монографій по отдѣльнымъ вопросамъ изъ области мифологіи индоевропейскаго племени. Изъ предисловія къ этому труду видно, что достигнутые результаты далеко не удовлетворили В. Ө. Миллера; приходилось прокладывать новые пути и прежде всего вводить въ сравнительную мифологию тотъ строгій методъ, которому онъ научился въ своихъ занятіяхъ сравнительнымъ языкознаніемъ; методъ этотъ разрушалъ господствовавшія въ сравнительной мифологіи теоріи — солярную, основанную Максомъ Мюллеромъ, и метеорологическую, вызванную остроумными статьями Куна. Этимъ теоріямъ В. Ө. Миллеръ противопоставлялъ историческій методъ, какъ видно изъ его указанія на то, что «одно лишь полное всестороннее изученіе культуры извѣстнаго періода могло бы предохранять изслѣдователя отъ субъективныхъ толкованій мифовъ», а также изъ того, что самъ онъ изученію ведійской мифологіи предпослалъ очеркъ культуры ведійскаго періода, на сколько можно найти матеріала для ея возстановленія въ гимнахъ. Этотъ очеркъ представляется весьма тщательно составленнымъ, при чемъ автору пришлось освѣтить явленія древнеиндійской жизни рядомъ сопоставленій съ культурноисторическими и этнографическими данными другихъ народностей, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Не забудемъ, что въ то время подобныхъ работъ по культурѣ индоевропейцевъ было очень мало; трудъ В. Ө. Миллера внесъ несомнѣнно много новаго и цѣннаго и если бы появился въ свое время на нѣмецкомъ языкѣ, облегчилъ бы послѣдующія работы по возстановленію быта эпохи индоевропейскаго единства. Для историка русской словесности въ книгѣ В. Ө. Миллера, остановившагося во второй части ея на мифѣ объ Асвинахъ-Диоскурахъ, особый интересъ представляетъ VI глава, посвященная вопросу о переходѣ древнихъ божествъ въ народныхъ святыхъ и сближенію представлений о парныхъ божествахъ Индусовъ и Грековъ съ представленіями о парныхъ святыхъ Флорѣ и Лаврѣ, Космѣ и Даміанѣ, Борисѣ и Глѣбѣ. Едва-ли В. Ө. Миллеръ сталъ бы въ восьмидесятыхъ уже годахъ защищать высказанныя имъ въ этомъ экскурсѣ главныя положенія, но его сопоставленія русскихъ легендъ и вѣрованій, связанныхъ съ парными святыми, между собою не утрачиваютъ интереса и въ настоящее время.

По защитѣ диссертациі В. Ө. Миллеръ съ 1877 года начинаетъ свою

академическую дѣятельность: въ университетѣ онъ читаетъ исторію древняго востока, санскритъ и древнеперсидскій языки, на высшихъ женскихъ курсахъ онъ предлагаетъ чтенія по исторіи русскаго языка и исторіи древнерусской литературы. Къ этому 1877 году относится одно изъ любопытнѣйшихъ изслѣдованій В. О. Миллера, вызвавшее значительное оживленіе въ изученіи древнерусской письменности. Мы говоримъ объ его знаменитой книгѣ, озаглавленной «Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ». Едва ли какая другая книга, относящаяся къ многочисленной ученой литературѣ объ этомъ памятникѣ, произвела болѣе сильное впечатлѣніе полною необычностью приемовъ изслѣдованія и своеобразною постановкой вопросовъ. Книга В. О. Миллера вызвала много возраженій; едва ли кого-нибудь удовлетворили ея выводы; сравненіе Слова о полку Игоревѣ съ византійской поэмой X вѣка о Дигенисѣ Акритисѣ и мысль о вліяніи и подражаніи творца Слова этой поэмѣ должны быть отвергнуты. Но значеніе разсматриваемаго труда не въ этомъ и не въ отвѣтѣ В. О. Миллера «на главные вопросы, до сихъ поръ возбуждаемые Словомъ о полку Игоревѣ», а въ постановкѣ самыхъ этихъ вопросовъ. Пишущій эти строки думаетъ однако, что и выводы В. О. Миллера недостаточно оцѣнены критикой. Главный изъ нихъ это то, что «Слово произведеніе книжное, что авторъ его былъ человѣкъ грамотный и просвѣщенный, что онъ написалъ его, а не пѣлъ и что оно не принадлежало никогда ни народному, ни дружинному эпосу». Послѣдующія изслѣдованія отмѣчали также наличность книжныхъ элементовъ въ Словѣ о полку Игоревѣ, а это въ сильной степени подтвердило основное положеніе В. О. Миллера. Но особенно цѣнными представляются соображенія автора относительно того значенія, которое для древней русскаго письменности, а въ частности и для древнекиевской повѣствовательной литературы имѣла Болгарія. «Поставщицей византійскихъ произведеній, — писалъ В. О. Миллеръ, — уже передѣланныхъ, была въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ для насъ Болгарія, въ которой соприкосновеніе съ образованностью Византіи вызвало бойкую литературную жизнь въ X-мъ вѣкѣ». Исходя изъ этого положенія, авторъ и подходилъ къ утвержденію, что образцами для творца «Слова о полку Игоревѣ» служили византійскія произведенія, воспріявшія болгарскую окраску. Мы думаемъ, что В. О. Миллеръ правъ и что его мысли не нашли себѣ пока полнаго подтвержденія только потому, что болгарская письменность X вѣка, въ особенности письменность свѣтская, исчезла почти безслѣдно въ великихъ катастрофахъ, пережитыхъ этой страной. Для насъ особенно любопытно, что В. О. Миллеръ уже въ 1877 году подходилъ къ тѣмъ взглядамъ на взаимотношеніе искусственной и народной литературы,

которые так блестяще проведены имъ въ его послѣднихъ трудахъ; Слово о полку Игоревѣ, столь близкое по своему характеру къ нашимъ былинамъ, къ возникшему въ Кіевской Руси дружинному эпосу, онъ признаетъ произведеніемъ книжнымъ и искусственнымъ, отразившимъ на себѣ сложныя культурныя вліянія сосѣдей; между этимъ выводомъ и проводившимся В. Ө. Миллеромъ положеніемъ о томъ, что наши былины представляются опредѣленнымъ видомъ поэтическихъ произведеній, сложившимся и установившимся въ своей внѣшней формѣ и техникѣ въ средѣ профессиональных пѣвцовъ, есть тѣсная внутренняя связь. Она ослабляетъ рѣзкость главнаго положенія В. Ө. Миллера въ отношеніи къ происхожденію Слова о полку Игоревѣ, высокоталантливаго автора котораго такъ естественно причислить къ средѣ этихъ профессиональных пѣвцовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ возможность еще болѣе широкаго обоснованія предположеннаго В. Ө. Миллеромъ вліянія Болгаріи на свѣтскую письменность и искусственное пѣснотворчество древняго Кіева и другихъ южнорусскихъ центровъ. Напомню, что къ вопросу объ этомъ вліяніи В. Ө. Миллеръ вернулся впоследствии, анализируя былины о Дюкѣ Степановичѣ и Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ.

Впрочемъ едва ли уже въ семидесятыхъ годахъ сложились у В. Ө. Миллера тѣ трезвые взгляды на происхожденіе народной словесности, которые онъ сталъ проводить въ девяностыхъ годахъ. Интенсивное изученіе былинъ привязало его къ русской почвѣ и побудило къ всесторонней ея разработкѣ. Въ разсматриваемый же періодъ В. Ө. Миллеръ работаетъ экстенсивно и увлекаясь сравнительнымъ методомъ, теоріей заимствованій, ищетъ сюжетовъ нашей народной поэзіи на сторонѣ. Связь устной поэзіи съ письменностью, зависимость первой отъ второй, не была уяснена въ достаточной степени; В. Ө. Миллеръ, стремясь къ опредѣленію генезиса нашей народной словесности, обращаетъ свои взоры все еще въ ту сторону, куда направили его вниманіе Бенфей и другіе представители теоріи заимствованій. Востокъ и притомъ ближній востокъ, съ которымъ древняя Русь приходила въ непосредственное соприкосновеніе, вотъ гдѣ надо искать разгадки нашего эпоса, вотъ откуда вести сказочныя и поэтическія сюжеты нашей народной словесности. Ближній востокъ для древней Руси—это прежде всего сѣверный Кавказъ. Въ 1876 году, когда В. Ө. Миллеръ писалъ статью «Значеніе собаки въ міоологическихъ вѣрованіяхъ» и останавливался на этимологіи «русскопольскаго» слова собака, онъ обнаружилъ вліяніе одного изъ «эранскихъ» народовъ на восточныхъ славянъ, ибо слово собака иранское; но такимъ иранскимъ народомъ онъ могъ признать только Скиновъ, «въ которыхъ присутствіе эранскаго элемента» онъ считалъ дока-

заннымъ. Лѣтомъ 1879 года В. Ө. Миллеръ совершаетъ свою первую поѣздку въ сѣверный Кавказъ и здѣсь въ горахъ Осетіи знакомится съ иранскимъ народомъ, значеніе котораго для русской народности въ ея политическомъ и культурномъ развитіи было, конечно, тогда же оцѣнено нашимъ ученымъ, положившимъ основанія научной разработки языка, быта, исторіи Осетинъ. Мы думаемъ, что напряженные труды В. Ө. Миллера въ области изученія этого народа, его многократныя поѣздки въ Осетію, этнографическія и археологическія изслѣдованія, произведенныя имъ въ сѣверномъ Кавказѣ, — были вызваны увѣренностью, что Осетины, Ясы нашихъ древнихъ лѣтописей, были посредниками или одними изъ посредниковъ между культурой Востока и южнорусской народностью, воспринявшіе черезъ это посредство между прочимъ и иранскіе сюжеты своего эпоса и индо-иранскіе мотивы своего сказочнаго репертуара. Лѣтомъ 1880 года В. Ө. Миллеръ отправляется въ Осетію вторично съ главною цѣлью записать на мѣстѣ вымирающій эпосъ Осетинъ, ихъ сказанія объ удалыхъ нартахъ; результатомъ поѣздки явилась I часть «Осетинскихъ этюдовъ», напечатанная въ 1881 году; здѣсь помѣщены нартскія сказанія въ осетинскомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ, затѣмъ сказки, преданія и пѣсни, наконецъ, мѣстныя преданія, записанныя по русски въ нѣкоторыхъ аулахъ дигорской Осетіи. Въ слѣдующемъ 1882 году появилась вторая часть «Осетинскихъ этюдовъ» — докторская диссертация В. Ө. Миллера, содержащая въ первыхъ шести главахъ грамматическое изслѣдованіе Осетинскаго языка, а въ седьмой главѣ описаніе религіозныхъ вѣрованій Осетинъ съ приведеніемъ и нѣкоторыхъ преданій ихъ о небесныхъ свѣтилахъ. Въ 1883 году напечатана В. Ө. Миллеромъ статья «Кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ» (Ж. М. Н. Пр. 1883, янв.), та статья о кавказскихъ преданіяхъ Прометеева цикла, которую онъ обѣщалъ предложить въ предисловіи къ I части «Осетинскихъ этюдовъ». Работы В. Ө. Миллера надъ Осетинами завершились въ III части «Осетинскихъ этюдовъ» (М. 1887) цѣннѣйшимъ очеркомъ историческаго прошлаго этого народа; онъ имѣетъ ближайшее отношеніе и къ русской исторіи не только потому, что даетъ определенную этнографическую картину сѣвернаго Кавказа въ періодъ образованія и развитія кievской державы, но еще и по той причинѣ, что содержитъ важныя соображенія о народностяхъ, господствовавшихъ въ южной Россіи въ эпохи, предшествовавшія появленію здѣсь Славянъ. Иранское происхожденіе Сарматовъ и Скивовъ — этихъ кочевыхъ иранскихъ племенъ, которыя были предками Осетинъ, доказывается цѣлымъ рядомъ лингвистическихъ и историческихъ данныхъ. Впрочемъ, В. Ө. Миллеръ и

послѣ выхода въ свѣтъ III части «Осетинскихъ этюдовъ» не оставлялъ своихъ занятій языкомъ и народною словесностью Осетинъ. Въ 1891 году онъ издалъ вмѣстѣ съ барономъ Штакельбергомъ дигорскія сказанія. Въ 1903 году появился его нѣмецкій трудъ «Die Sprache der Osseten» въ «Grundriss der iranischen Philologie». Къ 1904 году относятся его *Ossetica* (XX в. Трудовъ по востоковѣдѣнію), гдѣ сообщено все то новое, что представляетъ нѣмецкая переработка грамматическаго изслѣдованія В. Θ. Миллера объ осетинскомъ языкѣ сравнительно со II частью «Осетинскихъ этюдовъ». Смерть помѣшала В. Θ. Миллеру издать обширный словарь осетинскаго языка, собранный имъ въ теченіе многихъ лѣтъ упорной работы; онъ поступилъ теперь вмѣстѣ съ другими матеріалами въ распоряженіе Историко-филологическаго Отдѣленія и, конечно, увидѣвъ свѣтъ, упрочить за В. Θ. Миллеромъ славу основателя осетинской филологіи. Къ началу девяностыхъ годовъ относятся работы В. Θ. Миллера надъ языкомъ горскихъ евреевъ, который В. Θ. Миллеромъ охарактеризованъ какъ иранское нарѣчіе, произносимое семитской артикуляціей и построенное отчасти фонетически, отчасти морфологически, на тюркскій ладъ: въ 1892 году были изданы имъ «Матеріалы для изученія еврейско-татскаго языка»; въ 1900 и 1901 появились «Очеркъ фонетики» и «Очеркъ морфологіи еврейско-татскаго нарѣчія». Къ 1905 и 1907 году относятся «Татскіе этюды» В. Θ. Миллера, гдѣ дано описаніе иранскаго говора села Лагичъ Бакинской губерніи, населеннаго мусульманами, давнишними выходцами изъ Персіи. Отмѣтимъ еще любопытныя замѣтки В. Θ. Миллера, сообщенныя имъ по поводу выхода II тома труда акад. В. В. Латышева «*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*» (Этногр. Обзор. 1890, кн. VIII), гдѣ объяснено нѣсколько иранскихъ именъ въ греческихъ надписяхъ; а также только что появившуюся въ 47 выпускѣ Записокъ Археол. Общества статью «Къ иранскому элементу въ припонтійскихъ греческихъ надписяхъ».

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ казалось, что В. Θ. Миллеръ окончательно отошелъ отъ занятій русской словесностью, всецѣло отдавшись изученію Кавказа. Въ 1888—1890 годахъ онъ предпринимаетъ рядъ археологическихъ экскурсій въ Терской области, затѣмъ въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ, въ с. Троицкомъ-Кайнарджи и др. Впрочемъ, одновременно В. Θ. Миллеру пришлось работать и въ области этнографіи русской и сосѣднихъ съ русской народностей: онъ принялъ на себя обязанности хранителя Дашковскаго Этнографическаго Музея и уже въ 1887 году издалъ I выпускъ «Систематическаго описанія коллекцій» этого музея; второй выпускъ вы-

шелъ въ 1889 году. В. Θ. Миллеръ интересовался этнографіею давно; это видно изъ нѣкоторыхъ трудовъ его, напечатанныхъ въ семидесятыхъ годахъ, между прочимъ и изъ отмѣченной выше первой части его магистерской диссертациі, гдѣ удѣлено серьезное вниманіе вопросамъ социологіи и этнографіи. Съ 1881 года онъ занималъ мѣсто предсѣдателя этнографическаго отдѣла И. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этнографіи; въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ основалъ органъ этого Отдѣла — «Этнографическое Обзорѣніе» и руководилъ имъ. Однако всѣ эти работы не только не отдаляли В. Θ. Миллера отъ давнихъ его интересовъ русскою народною словесностью, но и побуждали его къ систематической ея разработкѣ.

Осетинскія и вообще сѣверо-кавказскія эпическія сказанія, находившіяся подъ сильнымъ вліяніемъ иранскихъ сюжетовъ и сложившіяся по мнѣнію В. Θ. Миллера въ степяхъ сѣверозападнаго Кавказа среди предковъ осетинъ, представляютъ въ отдѣльныхъ мотивахъ любопытныя параллели и аналогіи нашимъ былинамъ. Въ 1891 году В. Θ. Миллеръ въ Этнографическомъ Обзорѣніи посвящаетъ этимъ параллелямъ особую статью, гдѣ отмѣчены въ былинахъ о Святогорѣ сходныя черты съ нѣкоторыми кавказскими сказаніями (сближеніе Святогора съ осетинскимъ Муккара было сдѣлано до В. Θ. Миллера М. Г. Халапскимъ), далѣе среди осетинскихъ нарттовъ указанъ типъ, напоминающій нашего Илью Муромца, а среди походовъ осетинскихъ героевъ — походы, сходныя съ походами названнаго русскаго богатыря, затѣмъ рассмотрѣны кавказскія сказанія, содержащія сюжеты, сходные съ превращеніемъ нашего Добрыни въ тура чародѣйкой Мариной и съ несостоявшимся бракомъ Алеши Поповича съ Добрыниной женой. Отношеніе между былинной о Добрынѣ въ отъѣздѣ и о выходѣ его жены замужъ за Алешу Поповича и турецкой (кавказской) сказкой объ Ашикъ-Керибѣ, по заключенію В. Θ. Миллера, таково, какъ между оригиналомъ и копіей. Отмѣтивъ еще двѣ-три кавказскія параллели сказочнымъ сюжетамъ, проникшимъ въ нашъ эпосъ, В. Θ. Миллеръ въ заключеніи своей статьи останавливается на томъ значеніи, которое имѣютъ кавказскія сказанія для изученія русскаго эпоса. Посредниками между русскими славянами и сѣверокавказскими народностями были по его предположенію не только степныя кочевыя тюркскія племена и не только образовавшееся позже казачество запорожское и донское, но прежде всего русское населеніе тмутараканскаго княжества, сосѣдлившее и съ Ясами и съ Касогами, а затѣмъ и покорившіе себя Тмутаракань Половцы, которые съ теченіемъ времени должны были, въ результатъ татарскаго разгрома, переселиться на Кавказъ. Богатырскій эпосъ вырабатывался на сѣверо-

кавказской равнинѣ, постоянной аренѣ борьбы азіатскихъ кочевниковъ съ ранѣе осѣвшими здѣсь кавказскими и другими народностями. «При подобныхъ же условіяхъ являлись богатырскіе типы и складывались сказанія въ тѣхъ окраинныхъ русскихъ областяхъ, которыя представляли форпосты въ упорной борьбѣ осѣдой Руси съ такими же азіатскими кочевниками. И эти кочевники, — такъ заключаетъ свое изслѣдованіе В. О. Миллеръ —, приписавшіе восточные сказочные мотивы изъ Азіи, гдѣ нѣкоторыя изъ тюркскихъ племенъ могли усвоить себѣ мотивы богатаго иранскаго эпоса, представляются намъ естественнымъ звеномъ, связывающимъ оба богатырскіе эпоса: южный — кавказскій и сѣверный — русскій».

«Кавказско-русскія параллели» представляются тѣмъ переходнымъ звеномъ, которымъ связывается съ эпохой увлеченія В. О. Миллера изученіемъ иранскихъ языковъ, этнографіи и исторіи Кавказа послѣдующая его дѣятельность, специализировавшая его на изслѣдованіи русской народной словесности. Въ 1891 году В. О. Миллеру было предложено перейти съ кафедры санскрита и сравнительнаго языковѣдѣнія на кафедру русской словесности, освободившуюся за выходомъ въ отставку О. И. Буслаева. Съ 1892 года В. О. Миллеръ сталъ читать лекціи по народной словесности и сосредоточилъ свои занятія главнымъ образомъ на этой области. Еще раньше, съ января 1891 года имъ печатаются въ Русской Мысли «Экспкурсы въ область русскаго народнаго эпоса»; въ 1892 году они выпускаются отдельной книгой, при чемъ въ приложеніи перепечатываются и разсмотрѣнныя выше «Кавказско-русскія параллели», а также появившійся еще раньше, въ 1889 году, статья «Иранскіе отголоски въ народныхъ сказаніяхъ Кавказа». Предисловіе къ названной книгѣ ясно опредѣляетъ отношеніе этихъ работъ В. О. Миллера къ его предшествующимъ занятіямъ. Онъ указываетъ на то, что на его взгляды на русскій былевой эпосъ и на его главнаго богатыря (Илью Муромца) оказало особенное вліяніе изученіе народной словесности Ирана и Кавказа и что онъ подошелъ къ нашему эпосу со стороны именно этого изученія. И дѣйствительно, на всемъ протяженіи Экскурсовъ проводится мысль о зависимости нашихъ былинныхъ типовъ и сюжетовъ отъ различныхъ иранскихъ сказаній. Былинный Владимиръ отражаетъ на себѣ черты «эпическаго» или «сказочнаго» царя Кейкауса, современника національнаго иранскаго богатыря Рустема, — типъ царицы Евпраксіи, жены Владимира, сопоставляется съ типомъ Судабѣ, жены царя Кейкауса. Эпическій типъ Ильи Муромца сложился подъ значительнымъ вліяніемъ личности иранскаго Рустема; но на появленіе его повліялъ и хазарскій богатырь Иліасъ, о которомъ сообщаетъ персидскій поэтъ X вѣка

Дакики. Особенный интерес представляет VIII экскурсъ, озаглавленный «Степные мотивы въ русскомъ эпосѣ», гдѣ въ талантливомъ изложеніи очерчена борьба древней Руси со степью и отмѣчены извлеченныя изъ былинъ бытовые подробности, доказывающія, что нашъ богатырскій эпосъ отразилъ именно эту борьбу. В. Θ. Миллеръ останавливается при этомъ, конечно, и на извѣстной теоріи В. В. Стасова, выводившей нашъ эпосъ съ Востока, и опредѣляетъ свое отношеніе къ ней слѣдующимъ образомъ. «Мы, конечно, не согласимся съ нѣмъ, что всѣ наши былины плохо скроены по иноземнымъ образцамъ, не будемъ искать этихъ оригиналовъ *исключительно* на Востокѣ, не будемъ искусственно отрывать нашъ эпосъ отъ русской исторіи, но, именно въ силу ея указаній, признаемъ, вмѣстѣ съ г. Стасовымъ, что эпическія сказанія сосѣднихъ съ Русью степняковъ *должны были* оказать вліяніе на русскій эпосъ».

Между разсматриваемымъ трудомъ В. Θ. Миллера и слѣдующими его вкладками въ изученіе русскихъ былинъ, какъ намъ представляется, бездна. Но уже въ 1891 году, въ этихъ самыхъ Экскурсахъ, намѣчается путь, который выведетъ В. Θ. Миллера на иной берегъ. Характерна его оговорка по поводу признанія за теоріей Стасова научнаго значенія: «не будемъ искусственно отрывать нашъ эпосъ отъ русской исторіи». Любопытно также отмѣтить отрицаніе В. Θ. Миллера въ концѣ VII экскурса наличности основного различія между былинами и историческими пѣснями. «То, что въ настоящее время стало былинною (въ нашемъ смыслѣ этого слова), было когда-нибудь пѣснью историческою». «Нѣтъ сомнѣнія — продолжаетъ авторъ, — что когда-то существовали въ народѣ дѣйствительно *историческія* воспоминанія, напримѣръ, о Владимірѣ, Добрынѣ, быть можетъ, уже въ видѣ пѣсенъ»; историческая пѣсня съ теченіемъ времени «подъ вліяніемъ процесса поэтизаціи» можетъ перейти въ былинну. Авторъ считаетъ однако необходимымъ сдѣлать оговорку: «Мы отнюдь не возводимъ всѣхъ былинъ съ историческими именами къ историческимъ пѣснямъ (историческія имена могли входить въ чисто-фантастическіе сюжеты), но полагаемъ, что о такихъ историческихъ лицахъ, какъ Добрыня, Александръ Поповичъ, Ставръ и нѣкоторые друг., пѣкогда ходили пѣсни, съ теченіемъ вѣковъ утратившія историческія черты до неузнаваемости и перешедшія на ступень былинъ. Напротивъ, типъ Ильи Муромца и *основныя* сказанія о немъ искони не имѣли ничего историческаго и приобрѣли историческую окраску въ теченіе времени». Сомнѣваемся въ томъ, чтобы В. Θ. Миллеръ сталъ защищать это свое положеніе тогда, когда онъ писалъ, напримѣръ, свою статью «Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ». Во взглядахъ В. Θ. Миллера, съ

тѣхъ поръ какъ онъ сосредоточилъ свое вниманіе на русскомъ эпосѣ и подошелъ къ нему вплотную, произошла любопытнѣйшая эволюція. Начало ея относится, конечно, еще къ 1891 году; исходнымъ пунктомъ послужило приведенное выше разрѣшеніе вопроса о взаимномъ отношеніи былины и историческихъ пѣсенъ.

Въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ работъ В. О. Миллера надъ русскимъ эпосомъ положена плодотворная мысль о томъ, что былина смѣняла историческую пѣсню параллельно съ забвеніемъ той нѣкогда исторической личности, которой была посвящена пѣсня. Это положеніе сразу перенесло всѣ изысканія В. О. Миллера на почву русской исторіи. Вопросъ о поэтизаціи историческихъ сюжетовъ отошелъ на задній планъ, а на первый выдвигались вопросы о той реальной обстановкѣ, въ которой сложилась та или иная историческая пѣсня, впоследствии перешедшая въ былинную. Впрочемъ, непосредственную свою задачу при изученіи былины В. О. Миллеръ въ предисловіи къ «Очеркамъ русской народной словесности» (М. 1897) опредѣляетъ нѣсколько иначе: «Я въ «Очеркахъ» рѣдко пользуюсь сравнительнымъ методомъ для заключеній о пути проникновенія въ нашъ былевой эпосъ того или другого былиннаго сюжета. Я больше занимаюсь *исторіей* былины и отраженіемъ *исторіи* въ былинахъ, начиная первую не отъ временъ доисторическихъ, не снизу, а сверху. Эти верхніе слои былины, не представляя той загадочности, которою такъ привлекательна изслѣдователю глубокая древность, интересны уже потому, что дѣйствительно могутъ быть уяснены и даны не гадательное, а болѣе или менѣе точное представленіе о ближайшемъ къ намъ періодѣ жизни былины. Такъ иногда мы найдемъ въ былинѣ слѣды воздѣйствія на нее лубочной сказки или письменной старинной книжной повѣсти, иногда яркіе слѣды скоморошной передѣлки, иногда присутствіе того или другого собственнаго имени, дающаго возможность для хронологическихъ заключеній». В. О. Миллеръ не рѣшается пускаться въ гаданія о генезисѣ былины: оставляя въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи ея поэтическихъ сюжетовъ и вопросъ о легшей въ ея основаніе исторической пѣснѣ, онъ старается не выходить за предѣлы самой былины, стремясь однако прежде всего возсоздать болѣе первоначальный видъ ея, свободный отъ наслоеній (верховъ). Но избранный имъ путь изслѣдованія даетъ не только «болѣе или менѣе точное представленіе о ближайшемъ къ намъ періодѣ жизни былины», но также и представленіе о той средѣ, гдѣ она складывалась и гдѣ сложилась предшествовавшая ей историческая пѣсня.

Особенно цѣнны тѣ главы «Очерковъ», которыя посвящены общимъ вопросамъ, выдвигаемымъ изученіемъ былевого эпоса. Мысли, формулиро-

ванные авторомъ въ очеркѣ, озаглавленномъ «Русская былина, ея слагатели и исполнители», едва ли не впервые въ нашей ученой литературѣ разсѣяли тотъ туманъ, который окружалъ представленія о народной поэзіи, о народномъ творчествѣ со временъ появленія въ Германіи теоріи народнаго эпоса, созданной Яковомъ Гриммомъ и его послѣдователями. В. Θ. Миллеръ своими трезвыми, основанными на научныхъ фактахъ, сужденіями опредѣлялъ зависимость народной поэзіи отъ той искусственной поэзіи, которая создается въ культурныхъ центрахъ, городахъ. Впервые В. Θ. Миллеромъ поставленъ былъ вопросъ, какъ могло дойти до насъ столько отдаленной старины въ былинахъ; разработка вопроса привела его къ мысли, что у насъ, на Руси, какъ у большинства народовъ, имѣющихъ эпическія сказанія, были профессиональные ихъ хранители, обрабатывавшіе ихъ, исполнявшіе ихъ въ народѣ и передававшіе ихъ въ своей средѣ новымъ поколѣніямъ профессиональных пѣвцовъ. «Записанныя въ наше время былины — продолжаетъ В. Θ. Миллеръ — не что иное, какъ разошедшійся въ народѣ былевой репертуаръ старинныхъ профессиональных пѣвцовъ». По предположенію изслѣдователя такими профессиональными пѣвцами были, главнымъ образомъ, древнерусскіе скоморохи. Онъ доказываетъ, что скоморохи были не только исполнителями былинъ передъ князьями и боярами, но также участниками въ сложеніи былинъ, въ ихъ обработкѣ. В. Θ. Миллеръ не договорилъ какъ будто послѣдняго слова: профессиональные пѣвцы, будь то пѣснотворцы, скоморохи, шпильманы, могли выдвигать изъ своей среды такихъ даровитыхъ, талантливыхъ исполнителей, которые становились слагателями, составителями былинъ. Опредѣливъ среду, гдѣ хранилась и исполнялась былина, В. Θ. Миллеръ не отвѣтилъ на вопросъ, гдѣ она возникала и составлялась. Но изъ его соображеній, изъ приведенныхъ имъ данныхъ не трудно заключить, что слагателей былинъ надо искать въ той же средѣ профессиональных пѣвцовъ. Такое заключеніе совершенно естественно приводитъ насъ къ объясненію дружиннаго, княжескаго характера нашего эпоса, ибо профессиональные пѣвцы сосредоточивались вокругъ князя и его дружины; такое заключеніе объясняетъ намъ и присутствіе въ нашемъ эпосѣ книжныхъ элементовъ и международныхъ сюжетовъ; среда профессиональных пѣвцовъ не могла быть чуждою книжной образованности, а нахожденіе этихъ пѣвцовъ въ городскихъ международныхъ центрахъ естественнымъ образомъ способствовало вторженію въ ихъ пѣсни странствующихъ мотивовъ. Воспринимавшая ихъ поэтическія произведенія аудитория — князья и ихъ дружины — конечно, также оказывала свое воздѣйствіе на внутреннее содержаніе пѣсенныхъ сюжетовъ и на изображеніе вѣшной обстановки:

пѣвцы пѣли о томъ, что интересовало ихъ слушателей и что было доступно ихъ пониманію.

Изучая «Очерки русской народной словесности», мы чувствуемъ подъ собой реальную историческую почву. В. Ө. Миллеръ имѣлъ въ своей работѣ предшественниковъ: назовемъ А. Н. Веселовскаго, И. Н. Жданова, М. Г. Халанскаго, Н. Ө. Сумцова, Н. П. Дашкевича, но послѣдовательно и цѣльно проведенъ историческій методъ только въ изслѣдованіяхъ В. Ө. Миллера. Передъ нами открываются живыя страницы изъ исторіи народнаго творчества. Въ талантливомъ очеркѣ изображается имъ, напримѣръ, цѣлый циклъ Галицко-волынскихъ сказаній; авторъ переноситъ читателя въ обстановку древняго Галича, отмѣчаетъ особенности его политической и соціальной жизни и благодаря своему прекрасному знакомству съ источниками умѣетъ опредѣлить моменты перенесенія въ Галич византійской пѣсни, легшей въ основаніе былины о Дюкѣ Степановичѣ, далѣе легенды о Михаилѣ изъ Потуки, перешедшей отъ Болгаръ къ ближайшимъ къ нимъ православнымъ сосѣдямъ и давшей начало былинѣ о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ, наконецъ — угадать въ былинномъ Дунаѣ галицкаго воеводу послѣдней четверти XIII столѣтія, близкое лицо къ князю владимирово-волынскому Владиміру Васильковичу. Съ тщательностью разрабатывается В. Ө. Миллеромъ вопросъ о составѣ новгородскаго эпоса: бытовья подробности, географическія названія даютъ ему основаніе отнести къ нему былинну о Вольгѣ Сеславичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ, а также былинну о Чурилѣ Пленковичѣ; новгородскою по своему происхожденію опредѣляется В. Ө. Миллеромъ и былина о Соловьѣ Будимировичѣ, далѣе былина о Хотѣнѣ Блудовичѣ, историческую основу которой авторъ ищетъ въ одномъ изъ событій внутренней жизни Новгорода. Въ обѣихъ пѣсняхъ объ Иванѣ Гостиномъ В. Ө. Миллеръ открываетъ яркіе слѣды сѣверно-русскаго, вѣроятно, новгородскаго ихъ происхожденія (позже изслѣдователь указалъ на связь этой былины съ южно-русскимъ, черниговскимъ цикломъ). Съ былиннымъ Ставромъ Годиновичемъ В. Ө. Миллеръ отождествляетъ новгородскаго сотскаго Ставра, память о которомъ сохранила лѣтопись подъ 1118 годомъ, сообщая о заточеніи его княземъ Владиміромъ Мономахомъ. Новгородскій эпосъ воспринималъ въ себя совершенно естественно финскіе мотивы: гусельщикъ Садко имѣетъ прототипъ въ музыкантѣ и пѣвцѣ Вейнемейненѣ, а царь Водяной нашей былины близко напоминаетъ финскаго бога Ahti или Ahho, царя волнъ, владычествующаго надъ водами и рыбами; но параллели для подробностей былинной фабулы В. Ө. Миллеръ, слѣдуя за предшествующими изслѣдователями, ищетъ частью въ мѣстныхъ новгород-

ских легендах (ср. имя богатого новгородского купца Сътъка Сытинича), частью въ международных бродячих сюжетахъ (вліяніе одного эпизода разсказа о Садокѣ-грѣшникѣ, брошенномъ въ море, но спасшемся на островѣ и покаившемся въ своемъ грѣхѣ; ср. указаніе А. Н. Веселовскаго на французскій прозаическій романъ *Tristan le Léonois*, содержащій этотъ эпизодъ, приуроченный къ герою романа *Sadoc*). Отъ новгородскаго былиннаго цикла В. Θ. Миллеръ переходитъ къ былинамъ, основаннымъ на историческихъ пѣсняхъ и легендахъ, вызванныхъ татарскимъ разгромомъ: сюда относится былина о Батыгѣ. Былины о Саурѣ и сродныя съ нею по содержанію приводятъ В. Θ. Миллера вслѣдъ за М. Г. Халанскимъ къ историческимъ пѣснямъ XII вѣка, что заставляетъ его сблизять Константина, сына Саура Левонидовича, съ именемъ рязанскаго тысяцкаго Константина, который по сообщенію Никоновской лѣтописи побилъ въ 1148 году многихъ Половцевъ въ заговѣ; имя Ивана Даниловича, юнаго двѣнадцатилѣтняго богатыря — съ именемъ славнаго богатыря Ивана Данилова, погибшаго по сообщенію той же лѣтописи въ битвѣ при Суноѣ въ 1136 году; съ именемъ Михаила Даниловича, въ нѣкоторыхъ вариантахъ смѣняющаго Ивана Даниловича — память о юномъ князѣ суздальскомъ Михаилѣ Юрьевичѣ; впрочемъ, мотивы разсматриваемыхъ былинь о Саурѣ-Саулѣ возводятся изслѣдователемъ къ русской передѣлкѣ широко распространеннаго восточнаго сюжета.

Мы не можемъ, конечно, исчерпать въ краткихъ нашихъ замѣткахъ всего богатаго содержанія «Очерковъ» В. Θ. Миллера. Но приведенныя изъ нихъ данныя въ значительной степени опредѣляютъ ихъ значеніе: они возвратили былины русской исторіи, стремясь неизмѣнно возстановить историческую обстановку, въ которой онѣ складывались. Характернымъ для этого перваго тома «Очерковъ» является стараніе автора оставаться на почвѣ древней Руси, будь то центры удѣльныхъ земель или вольный Новгородъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ авторъ заявляетъ свое несогласіе съ М. Г. Халанскимъ, перенесшимъ такихъ богатырей, какъ Дюка Степановича, Микулу Селянниновича, Соловья Будимировича, Чурла Пленковича, въ число героевъ былинь московскаго періода. «Огромный хронологическій скачокъ отъ времени Владимира къ московскому періоду — говоритъ В. Θ. Миллеръ на с. 221 — сдѣлалъ профессоръ Халанскій. Онъ, не колеблясь, отослать Хотѣна Блудовича къ числу богатырей московскаго времени». Ср. также стр. 187—188, 103—104 и др. Точка зрѣнія М. Г. Халанскаго въ нѣсколькихъ случаяхъ представляется В. Θ. Миллеру недостаточно опредѣленною; но она также недостаточно исторична, поскольку герои

былинъ московскаго періода объясняются какъ идеальныя образы, чистыя созданія народной фантазіи (стр. 104). Однако В. Ө. Миллеръ не рѣшается отвергать наличности сильной передѣлки старыхъ былинь кіевскаго и удѣльнаго періода въ эпоху московскую, въ XVI и XVII вв. Это видно, напримѣръ, изъ его анализа былины о Добрынь и Маринѣ. Здѣсь мы находимъ зародышъ тѣхъ мыслей, которыя развиты В. Ө. Миллеромъ подробнѣе впоследствии. «Мнѣ кажется, — говоритъ онъ, — что, отрѣшившись отъ предвзятаго мнѣнія о домонгольскомъ происхожденіи разсматриваемой былины, слѣдуетъ въ наличныхъ текстахъ ея искать хронологическихъ указаній. А такими датами иногда въ нашемъ эпосѣ служатъ соотвѣтственныя имена. Въ данномъ случаѣ упорно во всѣхъ вариантахъ былинь волшебница носить историческое имя XVII в. Маринны, и въ текстахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, позволяющихъ предполагать, что это имя вытѣснило какое-нибудь другое, болѣе раннее, и что оно не существовало въ первоначальномъ изводѣ былинь». Разсмотрѣніе былины даетъ затѣмъ В. Ө. Миллеру основаніе видѣть въ былинной Маринѣ эпическій отголосокъ исторической Маринны Минишкѣ, какою она жила въ народномъ преданіи. Итакъ уже въ девяностыхъ годахъ В. Ө. Миллеръ представлялъ себѣ то значеніе, которое имѣла Смутная эпоха для нашего эпоса.

Послѣдующія работы В. Ө. Миллера надъ объясненіемъ былинь объединены имъ въ 1910 году во II томѣ «Очерковъ русской народной словесности». Въ предисловіи авторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ приемы своего изслѣдованія. «Не отрицая высокаго значенія изслѣдованія бродячихъ сюжетовъ путемъ сравнительнаго метода, я вижу главный интересъ нашихъ былинь въ націонализаціи этихъ сюжетовъ, стараюсь прослѣдить исторію былины въ народныхъ устахъ и отмѣтить наслоенія, отложившіяся на ней отъ разныхъ эпохъ». Наслоенія — это тѣ верхи, о которыхъ говорилъ авторъ въ предисловіи къ I тому. Анализъ нѣкоторыхъ былинь обнаруживаетъ въ изслѣдованіи В. Ө. Миллера слѣды половецкаго періода. Былинный Михайло Казариниъ отождествляется съ лѣтописнымъ Казариномъ, воеводой кіевскаго князя Святополка-Михаила, котораго Архангелогородскій лѣтописецъ величаетъ Петровичемъ такъ же, какъ величается въ нѣкоторыхъ былинахъ Казаринъ; имя Казарина, какъ думалъ В. Ө. Миллеръ, сохранилось въ нашемъ эпосѣ отъ періода упорной борьбы Руси съ Половцами; прототипъ былины, ему посвященной, сложенъ въ югозападной Руси въ дотатарскомъ періодѣ. Выводы автора позволили ему сдѣлать еще нѣсколько любопытныхъ предположеній: наушникъ князя Владиміра, его коварный совѣтникъ, извѣстный изъ былины о Данилѣ Ловчанинѣ подѣ

именем Путятина Путятювича, возводится къ историческому Путятѣ Вышатичу, воеводѣ Святополка, при чемъ предосудительная роль, данная Путятѣ былинной, объясняется нелюбовью кievскаго населенія къ князю Святополку и къ его воеводѣ Путятѣ, проявившеюся въ народномъ бунтѣ и разгромѣ двора Путятина въ Кіевѣ послѣ смерти Святополка въ 1113 году. Къ суздальскому эпосу В. О. Миллеръ подходитъ, анализируя эпизодъ о похвальбѣ нѣкоторыхъ богатырей, читающійся въ концѣ былинъ о Камскомъ побоищѣ, о Мамѣ, о царѣ Калинѣ; въ этомъ эпизодѣ онъ видитъ отраженіе историческаго событія, имѣвшаго мѣсто въ 1216 году, когда произошло сраженіе при Липицахъ, разрѣшившее междоусобицу между сыновьями Всеволода Юрьевича — Константиномъ, Юріемъ и Ярославомъ; суздальскіе князья Юрій и Ярославъ были разбиты Константиномъ ростовскимъ и его союзникомъ Мстиславомъ Удалымъ. Соображенія В. О. Миллера весьма остроумны, а привлеченіе имъ данныхъ объ Александрѣ Поповичѣ и другихъ богатыряхъ, участвовавшихъ по свидѣтельству лѣтописей въ Липицкой битвѣ, дѣлаетъ несомнѣннымъ существованіе исторической пѣсни о ней, при чемъ въ ней, какъ и въ лѣтописи, приводилась необыкновенная похвальба суздальцевъ, разбитыхъ затѣмъ въ сраженіи. Весьма любопытна замѣтка В. О. Миллера объ олонецкой старинкѣ о мѣстномъ силачѣ: Рахта рагнозерскій отождествляется имъ съ пменемъ богатыря Рахдал, о которомъ, какъ о современникѣ Владиміра, сообщаетъ Никоновская лѣтопись подъ 6508 (1000) годомъ. Во II томѣ «Очерковъ» наше вниманіе останавливаютъ на себѣ въ особенности тѣ мысли В. О. Миллера, которыя лишь мелькомъ высказывались имъ въ работахъ, относящихся къ девяностымъ годамъ, мысли о позднемъ происхожденіи нѣкоторыхъ былинъ, въ періодъ XVI—XVII вѣка. Такова, напримѣръ, былина о Добрынѣ и Василии Казимировичѣ. «Былина рисуетъ намъ поѣздку въ Орду съ русской данью, — замѣчаетъ В. О. Миллеръ, — но слагатель ея уже не помнитъ историческихъ поѣздовъ московскихъ князей, сопровождавшихся униженіемъ и постыдными хлопотами объ ярлыкахъ на княженіе; поѣздку предпринимаетъ не эпическій князь Владиміръ... и такая поѣздка покрываетъ новой славой русскихъ богатырей и позоромъ обезсиленнаго татарскаго царя, хотя и носящаго страшное имя Батыя. Если допустить такой взглядъ на разсматриваемую былинку, — продолжаетъ В. О. Миллеръ, — то это опредѣляло бы періодъ ея сложенія. *Terminus a quo* было бы такъ называемое сверженіе татарскаго ига при Иванѣ III». Но по нѣкоторымъ даннымъ авторъ склоняется къ болѣе позднему сложенію дошедшей до насъ редакціи былинны и относитъ ее къ XVI вѣку. Эти данныя основываются на имени

Василія Казимира, дѣйствующаго лица въ разсматриваемой былинѣ; оно вводитъ В. О. Миллера въ новгородскую жизнь второй половины XV вѣка, когда шла упорная борьба Новгорода съ Москвой; Василій Казимиръ, посадникъ новгородскій, былъ противникомъ московскаго великаго князя. Тщательно отмѣчены В. О. Миллеромъ черты сходства между былиннымъ и историческимъ Василиемъ Казимировымъ. При этомъ авторъ не пускается ни въ какія гипотезы и догадки; можно было бы предположить, что выведенный въ 1481 году изъ Новгорода въ Москву Василій Казимиръ послужилъ затѣмъ московскому князю, напримѣръ, хотя бы въ качествѣ посла въ татарскую орду (ср. извѣстіе 1484 г. Архангелогородскаго лѣтописца о томъ, что Иванъ III посылалъ въ Нѣмецкую землю московскую, новгородскую и псковскую рать подъ начальствомъ воеводы Казимира), и что это посольство Василія Казимира и было главнымъ основаніемъ для сложившейся о немъ исторической пѣсни и былины. Отсутствие подобныхъ произвольныхъ необоснованныхъ догадокъ должно быть поставлено въ достоинство изслѣдованіямъ В. О. Миллера. Онъ ограничивается заключеніемъ, что предположенная имъ связь былиннаго и историческаго Василія Казимира подкрѣпила бы его толкованіе былины о Добрынѣ и Василіи Казимировѣ, какъ эпическаго отраженія національнаго историческаго событія — прекращенія татарской дани Иваномъ III-мъ. Вотъ тѣ соображенія, которыя заставляютъ В. О. Миллера отнести сложеніе данной былины къ поздней эпохѣ: это даже не XV вѣкъ, когда еще жива была память о сверженіи татарскаго ига, а XVI вѣкъ, когда могли порости быльемъ и это событіе и главныя лица, принимавшія въ немъ участіе. Былина могла сложиться въ Новгородѣ, гдѣ такъ популярно было имя Василія Казимира, но этому имени было возможно попасть и въ Москву вмѣстѣ съ новгородскими слагателями — пѣтарями, веселыми людьми, которыхъ привозили къ Ивану Грозному изъ Новгорода для увеселенія его и его двора.

В. О. Миллеръ, анализируя разсматриваемую былинку, въ качествѣ аргумента въ пользу ея поздняго сложенія приводитъ слѣдующее любопытное соображеніе: среди богатырей Владиміровыхъ первымъ стоитъ въ этой былинѣ не Добрыня, а Ильа Муромецъ; Ильа Муромецъ, по мнѣнію Миллера, сдѣлался главою богатырей только во 2-й половинѣ XVI вѣка. Онъ ссылается на свою статью «Ильа Муромецъ и Алеша Поповичъ», помѣщенную въ этомъ же томѣ Очерковъ, а напечатанную впервые въ 1908 году въ Извѣстіяхъ нашего Отдѣленія. Эта статья, равно какъ и статьи «Къ былинѣ о Камскомъ побоищѣ» (1902) и еще «Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ» (1906) разрѣшаютъ одинъ изъ основныхъ вопросовъ нашего

эпоса, вопросъ объ Ильѣ Муромцѣ. Мы видѣли, что раньше В. О. Миллеръ центральное значеніе этого богатыря въ сонмѣ былинныхъ героевъ склоненъ былъ объяснять перенесеніемъ его въ русскій эпосъ извнѣ. Совершенно иначе разрѣшается имъ вопросъ въ названныхъ трудахъ. Въ основной своей редакціи — доказываетъ В. О. Миллеръ — былина о Камскомъ поборницѣ кончалась гибелью Алеша, Добрыни и вообще русскихъ богатырей, но дошедшая до насъ послѣдняя передѣлка былины объясняется внесеніемъ въ нее на правахъ главнаго русскаго богатыря Ильи Муромца, получающаго преобладающее значеніе въ нашемъ эпосѣ. Въ статьѣ 1908 года мы видимъ поразительную по силѣ аргументацію въ пользу этой замѣчательной по своимъ необходимымъ послѣдствіямъ гипотезы. Сравненіе двухъ былинныхъ сюжетовъ «Илья Муромецъ и Идолище», съ одной стороны, «Алеша Поповичъ и Тугаринъ», съ другой, приводитъ къ выводу, что первый сюжетъ является позднѣйшей переработкой второго. Алеша Поповичъ освобождаетъ отъ Тугарина Кіевъ и князя Владиміра: въ основаніе сюжета положенъ фактъ освобожденія Кіева отъ половецкаго князя Тугоркана (1096 г.), при чемъ онъ обособился именемъ популярнаго ростовскаго богатыря, извѣстія о которомъ восходятъ къ памятникамъ XV вѣка. Этотъ сюжетъ въ былинѣ объ Идолищѣ, побиваемомъ Илей Муромцемъ, передѣлывается въ разсказъ объ освобожденіи Царьграда и царя Константина отъ заставшаго въ Царьградѣ Идолища. Тема нова; она могла возникнуть не раньше второй половины XV вѣка. Слагатель этой былины черпалъ для изображенія столкновенія Ильи съ Идолищемъ въ Царьградѣ матеріалъ изъ былины объ Алешѣ и Тугаринѣ. Въ XVI вѣкѣ Илья Муромецъ занимаетъ первое мѣсто среди русскихъ богатырей, становится ихъ предводителемъ и затмѣваетъ собою какъ древняго Добрыню, придворнаго богатыря, такъ и поповича Алешу, стариннаго ростовскаго богатыря. Остановившаяся на вопросѣ, что же могло выдвинуть на первое мѣсто Илью Муромца, сдѣлать его народнымъ любимцемъ, возвысить его надъ другими богатырями, В. О. Миллеръ отвѣчаетъ: «Едва ли мы ошибемся, если основной причиной такого возвышенія Ильи признаемъ сословныя отношенія и классовую борьбу. На этомъ неродовитомъ, самостоятельномъ богатырѣ сосредоточили свои симпатіи низшіе классы населенія, въ немъ выразили свой протестъ противъ гнета высшихъ классовъ, поддерживаемыхъ правительствомъ». При томъ безотрадномъ экономическомъ и политически безправномъ положеніи низшаго класса, въ какомъ оно оказалось въ концѣ XVI в., естественно, «что богатырь-крестьянинъ, какимъ вѣроятно уже сталъ въ этомъ вѣкѣ Илья Муромецъ въ великорусскомъ населеніи, долженъ былъ въ большей степени

привлекать народныя симпатіи, чѣмъ придворный, княжескаго происхожденія богатырь «вѣжливый» Добрыня Никитичъ, несмотря на свой славный старинный подвигъ змѣбоинства, и поповичъ Алеша».

Однимъ изъ важнѣйшихъ трудовъ по изслѣдованію нашего эпоса представляется намъ относящаяся къ 1906 году статья В. Ө. Миллера «Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ». Здѣсь точными и опредѣленными данными доказывается, что «Смутное время отразилось въ нашемъ былевомъ эпосѣ весьма существеннымъ образомъ, не только въ отдѣльных чертахъ, именахъ, намекахъ, которые можно отыскать въ современныхъ намъ записяхъ былинь, но и въ характерѣ и дѣйствіяхъ главнаго и любимаго нашего богатыря, стараго казака Ильи Муромца». Мысль о томъ, что рядъ былинь принадлежатъ не кievскому и не дотатарскому періоду, а XVI—XVII вѣку, эпохѣ московскаго царства, не новая. Какъ мы видѣли, ее выдвинулъ М. Г. Халанскій; въ 1893 году объ этомъ заговорилъ по поводу «Экскурсовъ» В. Ө. Миллера Д. И. Иловайскій, сѣтовавшій на изслѣдователей нашего эпоса между прочимъ за то, что они въ историческихъ наслоеніяхъ его «доселѣ слишкомъ мало придавали значенія Смутной эпохѣ». Но В. Ө. Миллеръ — первый, кто во всей полнотѣ разсмотрѣлъ вопросъ объ отраженіи тяжелой смуты начала XVII вѣка на нѣсенномъ творчествѣ вообще и въ частности на былинахъ. Не останавливаясь на всемъ содержаніи названной статьи В. Ө. Миллера, отмѣтимъ рядъ его выводовъ, касающихся Ильи Муромца. Эпитетъ «старый казакъ», прилагаемый многими былинами къ Ильѣ Муромцу, толкуется имъ уже не такъ, какъ въ «Экскурсахъ», гдѣ онъ былъ склоненъ «вслѣдъ за нѣкоторыми историками, отодвинуть начало казачества въ дотатарскую эпоху и возводить этотъ эпитетъ Ильи Муромца къ болѣе отдаленному времени, чѣмъ XVI—XVII вѣкъ». Теперь В. Ө. Миллеръ склоняется къ мысли, «что любимый русскій богатырь сталъ казакомъ въ тотъ періодъ, когда его личностью овладѣли казаки, сдѣлали его своимъ собратомъ и защитникомъ голи кабацкой, т. е. въ періодъ казацкаго броженія въ Смутное время»; въ подтвержденіе онъ ссылается на то, что древнѣйшія свидѣтельства объ Ильѣ XVI вѣка, записи сказаній о немъ XVII и XVIII вѣка и многія былины современной записи не знаютъ Ильи Муромца, какъ казака; но кромѣ того В. Ө. Миллеръ указываетъ и на то, что соприкосновеніе Ильи съ казацкой и босяцкой средой въ Смутное время «внесло въ его типъ такія рѣзкія черты разнузданности, пылаго разгула, ожесточенности противъ князя и безшабашности, въ которыхъ сильно чувствуется вліяніе Смуты съ ея дикими проявленіями протеста низшихъ слоевъ населенія противъ правительства, церкви и общества»; въ нѣ-

которыхъ эпизодахъ «Илья является въ столкновеніи съ Владиміромъ въ полномъ смыслѣ мятежникомъ». Далѣе В. Ө. Миллеръ подробно разсматриваетъ предположеніе Д. И. Иловайскаго о томъ, что Илья Муромецъ стать въ былинахъ казакомъ подъ воздѣйствіемъ личности историческаго казака Ильи изъ Мурома, т. е. казацкаго самозванца Лжепетра (Илейки). Соглашаясь съ доводами историка, В. Ө. Миллеръ устанавливаетъ, что Илья Муромецъ въ былинахъ иногда носитъ обычное въ казацкой средѣ имя лжецаревича Петра, т. е. Илейки, «при чемъ былинный носитель этого имени по выходкамъ напоминаетъ казацкаго Самозванца». Слѣды Смутной эпохи В. Ө. Миллеръ, видитъ, наконецъ, во многихъ былинныхъ сюжетахъ, связанныхъ съ Ильей Муромцемъ (ссора Ильи съ Владиміромъ, Илья и голъ, Илья и сынъ, Илья и Соловей-разбойникъ, Илья на Соколѣ кораблѣ).

Въ 1913 году Вс. Ө. Миллеромъ напечатаны слѣдующія работы по народной словесности: «Къ былинѣ о Соломонѣ и Василіи Окуловичѣ» (Ж. М. Н. П. 1913 № 3): анализъ былины доказываетъ, что она сложена въ XVI вѣкѣ; «О нѣкоторыхъ пѣсенныхъ отголоскахъ событій царствованія Ивана Грознаго» (тамъ же, № 7), «Къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ» (Изв. Отд. р. яз. и сл., т. XVII, кн. 4). Эта замѣчательнѣйшая статья пересматриваетъ еще разъ вопросъ объ Ильѣ Муромцѣ. Авторъ приходитъ къ выводу, что «Илья, какъ и ростовскій Александръ Поповичъ, былъ какимъ то мѣстнымъ богатыремъ, введеннымъ въ кievскій эпическій циклъ Владиміра». Приведены при этомъ остроумныя соображенія въ пользу того, что Илья принадлежалъ первоначально Черниговскому циклу. Разказы объ Ильѣ переходятъ изъ бассейна Десны въ бассейнъ Оки вмѣстѣ съ колонизаціоннымъ движеніемъ, шедшимъ изъ Сѣверщины на сѣверо-востокъ въ Муромо-Рязанскую землю. Черниговскій старый Илья становится суздальскимъ богатыремъ. Далѣе находимъ попытку различить Илью сѣверо-западнаго, получившаго силу отъ Святогора, отъ сѣверо-восточнаго муромскаго крестьянина-сидня, исцѣленнаго каліеками и приобрѣвшаго силу отъ чудеснаго питья. — Въ 1913 году напечатанъ В. Ө. Миллеромъ еще отзывъ объ изслѣдованіи С. К. Шамбинаго «Пѣсни-памфлеты XVI вѣка» (Вѣстн. Европы).

Этими немногими выдержками и замѣтками мы заключаемъ нашъ обзоръ трудовъ В. Ө. Миллера въ области народной словесности. Для насъ ясно, что разработка нашего былевого эпоса была главнымъ средоточіемъ научныхъ его интересовъ въ теченіе всей его продолжительной ученой дѣятельности. Въ многочисленныхъ сочиненіяхъ В. Ө. Миллера, относящихся къ этой области, въ послѣднія два десятилѣтія захватившей его окон-

чительно, сказались выдающіяся черты его умственного и нравственного склада. В. Θ. Миллеръ не жалѣлъ трудовъ для достиженія научныхъ результатовъ; его широкое образованіе обеспечивало ему отличную научную подготовку; въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ постоянно шелъ впередъ, никогда не упорствовалъ въ своихъ ошибкахъ, быстро исправлялъ ихъ, забывая свое личное я, свое ученое самолюбіе; у него были антагонисты, онъ спорилъ съ ними, но его возраженія, его критика и полемика могутъ служить доказательствомъ его высокаго уваженія къ чужому мнѣнію и неизмѣннаго его доброжелательства къ людямъ. Постепенное развитіе его взглядовъ на русскій эпосъ является прекрасной иллюстраціей его научнаго безпристрастія и вмѣстѣ съ тѣмъ страстнаго стремленія постигнуть истину. Слѣдя за послѣдовательнымъ ходомъ его работъ, мы имѣемъ передъ собой постепенное развитіе научныхъ взглядовъ не одного В. Θ. Миллера: въ его трудахъ ясно обнаруживается общее поступательное движеніе русской ученой мысли. В. Θ. Миллеръ былъ ея вѣрнымъ и постояннымъ выразителемъ.
